

Глава 67. Суд Круглого стола

Светящиеся строки растаяли в пустоте.

Уклоняясь от зазубренных лезвий, Ли Цзяньчуань стремительно метнулся к углу и щелкнул выключателем. Тесное, удушливое пространство залил мертвенно-бледный свет. Теперь он видел всё: около тридцати дисков — одни скользили по потолку и полу, другие зависли в воздухе — с пронзительным жужжанием рассекали воздух. Они двигались быстро, но пока не слишком кучно; при его навыках увернуться от них не составляло труда.

Потратив несколько секунд на то, чтобы просчитать траектории механизмов, Ли Цзяньчуань принялся за осмотр, ловко лавируя в узких просветах между вращающейся сталью.

Ванная комната была крошечной, едва ли семь-восемь квадратных метров, и обставлена самым обычным образом. В центре висела белая пластиковая шторка, за которой теснились душ и старая, пожелтевшая ванна. Из-за резких движений мужчины вода, которой она была наполнена до краев, расплескалась, заливая пол. Душевая кабина выглядела ухоженной, на полочке аккуратно стояли флаконы с шампунем и гелем для душа — хозяева пользовались ею часто.

На полузакрытой шторке виднелись огромные багровые пятна, похожие на брызги. Ли Цзяньчуань принюхался, но из-за давности лет запах выветрился. Впрочем, сомневаться не приходилось: это была кровь. Такие же темные, почти черные следы запекшейся жизни тянулись по стене и зеркалу над раковиной. В сочетании с холодным светом ламп и промозглой сыростью картина напоминала декорации к низкобюджетному хоррору.

Рядом с раковиной примостились унитаз и стиральная машина. Уворачиваясь от очередного диска, Ли заглянул внутрь: и в раковине, и в унитазе плавали спутанные пряди длинных женских волос. У корней некоторых из них еще сохранились ошметки окровавленной кожи.

Увиденное в сочетании с письмом Рона и воспоминаниями Дика позволило Ли Цзяньчуаню выстроить предварительную версию событий. Муж, страдающий психическим расстройством и склонный к насилию, панически боялся врачей и отказывался от лечения. Жена, профессиональный психолог, оказалась бессильна помочь ему и обратилась к коллеге по имени Дэнни. Одолеваемый паранойей супруг заподозрил измену, поднял на жену руку и, в конце концов, совершил убийство.

Логично. Слишком логично.

Ли Цзяньчуань сразу же подверг эту теорию сомнению. Надев найденные здесь же плотные резиновые перчатки, он без тени брезгливости перерыл мусорное ведро у унитаза и обнаружил два использованных презерватива. Кроме того, в барабане стиральной машины лежали две пары мужских трусов, разительно отличавшихся друг от друга размером.

Рон мог пользоваться контрацептивами, но вряд ли он стал бы носить белье двух столь разных калибров.

«Я нашел в ванной кое-какие следы...»

Вспоминая строчку из письма, мужчина еще раз окинул комнату взглядом. Была ли измена Наннали плодом большого воображения Рона или обоснованным подозрением, Ли пока сказать не мог. Память пса была обрывочна и предвзята, она могла вводить в заблуждение, но вещественные улики лгать не умели.

Впрочем, помня наставление «увиденное нереально», он не спешил делать окончательные выводы. На тщательный обыск ушло всего несколько минут. За это время количество дисков в комнате увеличилось вдвое, а их скорость заметно возросла.

— Способ уйти отсюда... — пробормотал Ли Цзяньчуань.

Он сосредоточился, его тело изгибалось и замирало в невероятных позах; казалось, у него открылись глаза на затылке — настолько точно он избегал лезвий.

— Ни дверей, ни окон. Стены монолитные...

— Увиденное нереально, сказанное лживо...

Лихорадочно соображая, Ли начал повторную проверку каждого сантиметра. Если подсказка намекала на иллюзорность окружения, значит, здесь должна быть деталь, выбивающаяся из общего строя — ключ к выходу.

Вторая часть фразы о лживости слов пока оставалась загадкой.

Ванная была старой: в углах проступила плесень, техника и сантехника стояли впритык, не оставляя зазоров. Кафельная плитка под ногами, покрытая слоем многолетней грязи, давно не знала чистки. Кран и края зеркала тронула ржавчина, краска на стенах облупилась. Всё вокруг дышало упадком и мраком.

На лбу Ли выступила испарина. Давление нарастало: каждую минуту пил становилось больше, и ему приходилось тратить колоссальные усилия, чтобы не лишиться головы, одновременно выискивая ту самую «неправильность».

Но чем сильнее сжимались тиски обстоятельств, тем холоднее становился его разум. В глубине глаз вспыхнул темно-синий огонек. Используя метод исключения, Ли Цзяньчуань проверял деталь за деталью, методично воскрешая в памяти устройство типичной ванной комнаты.

Когда он в пятый раз коснулся взглядом окровавленного зеркала, его осенило.

По краям амальгамы виднелись потеки и ржавчина. Он видел их и раньше, но не придавал значения.

«Вода на зеркале — вещь обычная, но стекло не может ржаветь. Почему на стыке со стеной проступила рожина, характерная для металла?»

Он простукивал это зеркало, проверял его — оно не было двусторонним, за ним чувствовалась твердая кладка. Однако времени на раздумья не оставалось: холодные лезвия уже свистели у самого виска. Не снимая резиновых перчаток, Ли с силой ударил по стеклу. Зеркало с грохотом разлетелось на куски, обнажая скрытую за ним металлическую пластину.

Ли постучал по ней — звук был глухим. На поверхности не было ни ручек, ни замочных скважин, ни малейшей щели. Пробить её грубой силой вряд ли бы удалось: металл казался необычайно вязким и пластичным. Удар кулака мог оставить вмятину, но не разворотить толстый лист.

Ли предположил, что это дверь, но сейчас она была заперта. Раз есть дверь, должен быть и ключ.

Оставив стальную преграду, мужчина снова принялся рыскать по комнате. Жужжащие диски действовали с хирургической точностью — они не трогали обстановку, но и не оставляли ни единого свободного пятка.

Спустя пятнадцать минут, когда ситуация стала критической, он нащупал черную кнопку внутри сливного отверстия душа. Стоило нажать на неё, как послышался негромкий гул — металлическая плита за зеркалом плавно отъехала в сторону.

Но за ней не было ни коридора, ни спасительной тьмы. Лишь небольшая ниша в стене. Ли подошел ближе и обнаружил внутри пару черных туфель на высоком каблуке и тряпичную куклу-клоуна.

— Значит, всё не так просто... — усмехнулся Ли Цзяньчуань.

Было бы наивно надеяться, что выход откроется так легко. Тем не менее, он получил куклу-клоуна, и это немного его утешило. Задание убийцы, которое необходимо было выполнить в Судном зале — «извлечь сердце клоуна» — явно касалось этой находки.

Ли Цзяньчуань сорвал с клоуна одежду и на левой стороне груди увидел грубый, неровный шов, сквозь который проступали капли крови. Не раздумывая, он рванул нитки и запустил руку в ватную набивку. Пальцы тут же сомкнулись на чем-то величиной с грецкий орех — и это «что-то» ритмично пульсировало.

Сердце было ярко-алым, из него обильно сочилась кровь. Как только Ли извлек орган из тряпичного тела, на грязном лице куклы застыла жуткая, ледяная улыбка.

[Задание убийцы исполнено]

Хриплый голос, внезапно прозвучавший в тишине, заставил Ли нахмуриться. Кукла и сердце в его руках тут же растаяли, превратившись в ничто. Ли взглянул на кровь, оставшуюся на перчатках. Он начал понимать правила этого Круглого стола и не был удивлен анонсу.

Как и говорил радиоприемник, «исполнение» и «успех» — понятия разные. Правила Круглого стола были полны лазеек и намеренных искажений. На каждом этапе количество Судных залов было меньше числа игроков. Значит, в этой итерации их не больше тринадцати, и как минимум двое окажутся в одном помещении.

Но была одна деталь: в письме Рона четырнадцать строк. И радио сказала, что «каждая фраза — ключ к двери». Четырнадцать игроков, четырнадцать фраз. Каждый выберет уникальную строчку, но это не гарантирует попадания в уникальный зал. Иными словами, игроки, выбравшие разные фразы, могут столкнуться нос к носу.

Но Ли Цзяньчуаня заинтересовало другое.

Во-первых, критерий успеха задания убийцы. Судя по всему, каждый игрок проходит через схожие испытания и каждый находит свою куклу. Но зачтут ли успех, зависит от того, находится ли игрок в том же «зале», что и искомый клоун.

И тут вступал в силу второй момент: временные линии. Радио упоминало о «помехах между временными линиями Судных залов». Проще говоря, истинным убийцей признают лишь того, кто находится в одной временной плоскости с куклой. Остальные — лишь тени. Весьма вероятно, что вскоре он встретит других игроков; они будут в разных залах, но из-за этих помех окажутся в одном пространстве. Однако отсутствие прямой связи между мирами означает, что их атаки друг против друга не будут иметь веса.

«Вердикт». Вот ключевое слово этого суда.

Отбросив лишние мысли, Ли взял черные туфли. На раздумья ушли мгновения, а времени оставалось всё меньше. Если количество дисков превысит критическую массу, даже если бы он в совершенстве владел искусством уменьшения костей, он бы не избежал участи быть разрезанным на куски.

Ли внимательно осмотрел обувь. Он помнил их: в воспоминаниях Дика именно в этих туфлях Наннали ушла в ванную, но вышла уже без них. Само по себе это было нормально, но то, что туфли оказались замурованы в стене, выглядело крайне подозрительно.

Ничего необычного в самой паре он не нашел, разве что десятисантиметровая шпилька — тонкая, как палочка для еды — внушала опасения. Впрочем, квадратная набойка на конце добавляла конструкции хоть какую-то устойчивость и долю стиля.

— Не заставят же меня крушить стены этим каблуком...

Ли прижался к стене, уклоняясь от пилы; один из дисков срезал прядь волос с его лба. Ванную наполнял невыносимый гул. Мужчина глубоко вдохнул и снова принялся за поиски. Ему казалось, что после этого раунда он сможет выигрывать любые конкурсы на внимательность — он научился находить иголку в стоге сена, если от этого зависела его жизнь.

Но в этот раз удача отвернулась от него. Он вскрыл даже напольную плитку, но ничего не нашел.

Прошло двадцать три минуты.

В воздухе бешено вращались двести шестьдесят дисков. Их скорость стала запредельной; с пронзительным свистом они летели на Ли, заставляя его на пределе возможностей вычислять их траектории. Он пытался схватить один из механизмов, чтобы вывести его из строя, но стоило коснуться металла, как тот исчезал и тут же возникал на другом маршруте.

Ли не сомневался: к тридцатой минуте ванная превратится в настоящую мясорубку, где выжить будет невозможно.

Он перешел к тотальному разрушению. Сорвал шторку, вырвал раковину, даже попытался разобрать унитаз, обшаривая каждый скрытый угол. И ярость принесла плоды. За стиральной машиной он заметил странность. На стене, которую она закрывала, красовались две розетки. В одну была включена сама машина, вторая пустовала.

Две розетки в одном месте — вещь не то чтобы уникальная, но сейчас Ли не пропускал ни одной мелочи. Он вырвал оба гнезда. У пустой розетки под пластиковой крышкой обнаружилось квадратное отверстие.

Замерев на секунду, Ли Цзяньчуань схватил туфлю и с силой вогнал шпильку в это отверстие. Он попробовал повернуть её по часовой стрелке, затем против — и спустя мгновение раздался сухой щелчок. Пол рядом с ним разошелся, открывая узкую щель.

— Да вы издеваетесь...

Ключ привел его в бешенство, но медлить он не стал и прыгнул вниз. Ли Цзяньчуань никогда не считал себя фанатом квестов, и когда, оказавшись в прихожей, он понял, что попал в третью «комнату», на душе стало окончательно паршиво.

Перед глазами снова возник текст:

[Выбравшись из спальни и ванной, вы наверняка собрали немало зацепок]

[Но до истины всегда остается один шаг]

[У вас есть три часа, чтобы расшифровать «Письмо Рона», раскрыть правду о деле этого раунда и вписать верный ответ в карточку]

[В противном случае — утечка газа оборвет все жизни в этом доме, включая вашу собственную, лишенную совести]

Теперь Ли окончательно понял структуру Суда. Каждый раунд делился на две части: задание убийцы и разгадка дела. На первый взгляд они не были связаны, но у игры обязательно должен быть единый финал. В конечном итоге и задания, и загадки вели к «Истине Круглого стола».

Ли медленно двинулся в сторону гостиной, оглядываясь по сторонам. Но стоило ему бросить взгляд вглубь комнаты, как он замер. В гостиной, кроме него, находились еще три человека. И по их осанке, по выражению лиц было ясно: это игроки.

Его догадка подтвердилась раньше, чем он ожидал: игроки из разных залов могли оказаться в одной декорации. Они видели друг друга, но, скорее всего, не могли причинить реального вреда. До появления Ли троица явно пребывала в состоянии шаткого перемирия, пропитанного взаимным подозрением. Теперь же три пары глаз уставились на него.

Мужчина в строгом костюме и очках, женщина в деловом наряде с юбкой и человек в рубашке, поверх которой был накинут белый халат. Вид всех троих совершенно не вязался с обстановкой этой гостиной.

Ли Цзяньчуань медленно оглядел присутствующих. Его взгляд задержался на высокой фигуре в белом халате. Не торопясь, он сменил перчатки и направился к врачу. Ли на мгновение замер, разглядывая маску Джокера, скрывавшую половину лица собеседника, и тихо усмехнулся.

А затем внезапно сократил дистанцию, властно перехватил подбородок врача и требовательно прильнул к его губам.

Во рту Нин Чжуня ощущалась сладость с едва уловимым железным привкусом крови. Языки встретились, сплетаясь в жадном, лишаящем дыхания танце.

Под ошеломленными взглядами двух других игроков Ли Цзяньчуань разорвал поцелуй. Он с силой провел большим пальцем по распухшим губам партнера и, многозначительно вскинув бровь, прошептал:

— Доктор Нин, я, кажется, болен... Чем-то неизлечимым. Всё так распирает, просто спасу нет... Подсобите с лечением?

Врач в маске Джокера чуть приоткрыл влажные губы, его глаза с затаенным блеском сузились:

— Если так распирает, то, может, стоит ввести это внутрь — глядишь, и полегчает, господин прокурор?

Ли Цзяньчуань: «...»

«Сдаюсь. В искусстве бесстыдства мне за вами не угнаться»

<http://bllate.org/book/15871/1504861>